

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистике

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки

Том 18

Смоленск
Изд-во СмолГУ
Свиток
2018

*Печатается по решению редакционно-издательского
совета Смоленского государственного университета*

ISBN 978-5-907148-09-3

В 18 томе «Русской филологии» представлены ставшие уже традиционными разделы, посвященные исследованиям в области русской литературы — фольклора, поэзии и прозы XIX–XXI веков, истории зарубежной литературы; истории журналистики; теории текста, литературе Смоленской земли, жизни кафедры.

Издание включено в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтиспise «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

[illegible]

Научное издание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
Ученые записки
Том 18

Подписано в печать 20.12.2018
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 101. Тираж 500 экз.
Заказ 479. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Arial».

ISBN 978-5-907148-09-3

© Авторы, 2018
© ООО «СВИТОК», 2018

12. Рыленков Н.И. Страницы жизни // Рыленков Н.И. Избранная лирика. 1926–1964. М.: Московский рабочий, 1965.

E.L. Kotova

***Delayed Publication: from the History of Relations
between N.I. Rylenkov and A.V. Macedonov***

Key words: Rylenkov, Macedonov, letters, Palshkov, «Scientific notes».

The article deals with the personal and creative relationships of N.I. Rylenkov and A.V. Macedonov. Acquainted in 1930, they continued to communicate until the last days of the poet. One can learn about the important vicissitudes of their intercourse, the peculiarities of the personality, thanks to the preserved correspondence, some of which could be seen in the 1976 «Scientific notes». However, the publication of Rylenkov's letters in those years was postponed.

Н.И. Рыленков

УДК 82-6

Из писем к А.В. Македонову

Статья подготовлена в рамках проекта «Смоленская земля в литературных персоналиях: открытая справочно-библиографическая база (по материалам архива В.Е. Захарова)», поддерживаемого Российским фондом фундаментальных исследований (№ 17-04-67002 а(р))

Архив Литературного музея СмолГУ.

Ф. 10. П. 1. Ед. хр. 3. Л. 1–25.

Наша переписка началась в 1955 году и продолжилась до последних дней жизни Николая Ивановича.

Письма Рыленкова обычно отличались сжатостью и, если так можно выразиться, товарищеской деловитостью. Но, несмотря на краткость, они содержат много высказываний на различные литературные и общественные темы. Ниже печатаются некоторые из этих высказываний. Из касающихся моих работ и наших отношений привожу лишь те, которые имеют важное значение для характеристики творческой позиции Рыленкова и существенных особенностей его личности. Часть фамилий, упоминающихся в письмах, заменена криптонимами (буквенными индексами).

А. Македонов

1.

<...> Я искренне и от всей души рад, что, наконец, кончилась вся эта весьма пренеприятная история, которая мучила не только тех, кто пострадал, как ты, но и всех честных людей, кто, так или иначе, был задет ею.

Очень хорошо, что ты поставил на ней крест, хотя я понимаю, как это нелегко <...> (1955 г.)

2.

<...> Я совершенно согласен с тобой. Книжку избранных произведений М.С. Завьялова обязательно нужно издать. Мы уже думали об этом и уже создали комиссию по его литературному наследию, председателем которой мы утвердили Н.Г. Антонова.

Практически речь, пожалуй, идет о 1957 годе. Да раньше этого срока и трудно подготовить книжку. Дело в том, что покойный М.С. нуждается в серьезной, и не только стилистической, редактуре.

Предварительную работу может провести Е.М. Марьенков, но редактором я рекомендую просить В.П. Ильенкова. Если он не возьмется, будем искать редактора на месте. (16.IV.1956 г.)

3.

<...> Я глубоко тронут твоим добрым отношением к моим стихам. С твоими замечаниями я совершенно согласен. На том, уже довольно продолжительном, пути, который я прошел, у меня было все: и ошибки, и неудачи, и срывы. Происходило это, главным образом, тогда, когда я брался не за свои темы.

Я не отношусь к тем художникам, которые превращают в золото поэзии все, к чему прикоснутся. У меня нет такого дара, я это хорошо знаю. Поэтому я должен ограничивать себя близкими, органичными для меня темами. Только из них я могу высекать искры.

В гослитовском однотомнике (*«Стихотворения и поэмы»* (М., 1956) — Э.Л.) я постарался отсеять все наносное, хотя это и не до конца мне удалось. Кое-что из особенно дорогих мне стихов не вошло туда по условиям места. Во всяком случае, эта книга, из всех моих итоговых сборников, представляет меня наиболее полно.

А.Т. (Александра Трифоновича Твардовского — Э.Л.) я не могу осуждать за «культ» уже по одному тому, что и сам был повинен в этом <...> (22.V.1956 г.) (1).

4.

<...> Дело в том, <...> наша критика уже давно как-то измельчала. О том, что она утратила эстетическое чутье, я уже не говорю. Она поте-

ряла чувство ответственности перед народом за судьбы литературы. Ее на протяжении многих лет, как ржавчина, разъедала конъюнктура в самом дурном смысле этого слова. Писатели перестали ее уважать, а читатели попросту не обращают на нее внимания. Сейчас, когда в литературе началось серьезное оживление, неблагополучие к критике ощущается особенно остро.

<...> Большая доля вины за такое положение, на мой взгляд, лежит на покойном Фадееве. О покойниках не принято говорить плохо, но, к сожалению, приходится. Фадеев при всем его уме и таланте не отличался высокой принципиальностью и не раз подавал дурной пример нашим критикам. Достаточно вспомнить хотя бы историю с романом Гроссмана «За правое дело», которому Фадеев несколько раз давал прямо противоположные оценки (2).

Но это дело прошлое. Грустно, что и теперь еще критики никак не могут найти верного тона. Шарахаются то в одну, то в другую сторону.

<...> Стихи Берггольц произвели на меня очень сильное впечатление (3), а вот посмертная поэма Павла Васильева (4), напечатанная в «Октябре», мне совсем не понравилась <...> (9.X.1956 г.) (5).

5.

<...> О «Литературной Москве» и ее критиках мы поговорим в другой раз, при встрече. Этот вопрос очень сложный и трудный. Смаху его не решить. А мое отношение ко всяческим конъюнктурщикам тебе хорошо известно <...> (11.III.1957 г.)

6.

<...> Твое письмо и статью «Про Рябовых» я получил, вернувшись с пленума Правления СП. Ты, конечно, читал все материалы этого пленума, которые появились в прессе, и мог составить себе полное представление об отношении к «Московскому альманаху». Дело, может быть, не столько в самом альманахе, сколько в той обстановке, которая сложилась в московской писательской организации в конце прошлого года. Словом, ты достаточно хорошо понимаешь, что сейчас совсем не время выступать в защиту «москвичей». Я совсем не поклонник Рябова, но ты, на мой взгляд, преувеличиваешь значение его фельетона и сам впадаешь в фельетонный тон (прости дурной оборот) <...> (22.V.1957 год) (6).

7.

<...> У нас совсем разучились писать о поэзии. Многие критики наши ведут себя по отношению к поэтам как плохие педагоги, поучают и выставляют отметки по известным стандартам. Если поэт не укладывается в эти стандарты — они не знают, что с ним делать и обходят его

молчанием. Я к этому уже давно привык. Ко мне только в самое последнее время критики стали относиться ласково. Но серьезно разобраться в моих стихах еще никто не пробовал. Твоя статья первая ставит некоторые существенные вопросы, связанные с характером моей поэзии. И я с тобой во всем согласен <...> (27.VII.1957 г.) (7).

8.

<...> Стихотворение Евтушенко о России мне не очень понравилось. Там есть хорошие строки и строфы, даже отличные, но есть и не совсем точные. Но мне очень понравилось его стихотворение «Ненависть и сила», напечатанное недавно в «Комсомольской правде». Вообще же — он очень талантливый поэт. Слуцкий тоже талантлив. Правда, его раздувают сильно. Он пишет о войне сейчас так, как мы писали во время войны. После войны многое стали сглаживать. Ты глубоко прав в том, что нет нужды противопоставлять Евтушенко, Слуцкого, Мартынова и т.д. Исаковскому и Твардовскому. Консолидация должна идти не по формальным признакам.

Статью Дермана об Исаковском (8) я сейчас не перечитывал, но тогда она мне очень приглянулась. Может быть потому, что лучшей не было. Я уже как-то говорил тебе, что с поэтической критикой у нас страшно плохо. О стихах у нас редко кто умеет писать. Все сводят к пересказу, а настоящие стихи пересказать нельзя, даже баллады. Я лично считаю, что нет нужды говорить в стихах о том, что можно сказать прозой.

О своем пути я думаю очень много. Многими стихами своими я страшно недоволен, многие просто отбрасываю. Но общее направление считаю для себя органическим.

Сейчас я чувствую себя на каком-то переломе, вернее — перевале. Помнишь у Брюсова:

<...> Время снова

Мне стать учеником.

(4.II.1958 г.)

9.

<...> Я думаю, что мне не нужношний раз повторять тебе, как мне важны твои дружеские замечания о моих стихах. Важны потому, что я им верю. По ним я проверяю себя. Почти со всем, что ты пишешь относительно «Родника», я согласен, особенно в конкретных оценках. Поэмой «Поле юности» я и сам недоволен. Впрочем, это и не поэма, это скорее поэтический очерк о известной у нас звеньевой Зине Лебедевой. Я очень долго колебался, нужно ли ее давать в книжку.

Что касается песенного раздела, то он просто не совсем отобран, поэтому, вероятно, и получается впечатление некоторого однообра-

зия. Я ведь, вообще, варьирую основные свои мотивы, пока не исчерпываю их до конца. Без этого, мне кажется, невозможна серьезная творческая работа. Но ты прав вот в чем: песенная струя не главная, не определяющая у меня, хотя и органическая, она присутствовала в моих стихах с самого начала, иногда подспудно, иногда пробиваясь на поверхность.

Твой совет относительно большей смелости в экспериментировании я помню всегда. Гладкопись мне самому претит. А традиционность некоторых моих стихов — это рецидив юношеской болезни, которая нет-нет да и даст себя знать. Кстати, сонет, о котором ты говоришь, написан еще в годы войны, но до сих пор не был опубликован. Я решил, что нет основания теперь не печатать его. Вообще, в сборнике несколько таких старых стихотворений, в числе их «Полина». Под такими стихами нет дат.

<...> О Твардовском, Фете и Некрасове <...> Ты же понимаешь, что человек не выбирает себе судьбу. Она складывается, не без его участия, конечно, из целого ряда факторов, субъективных и объективных. Я не хочу себя ограничивать, но и не склонен преувеличивать своих возможностей.

Я пробовал многое, и теперь уже хорошо знаю — что мне удастся, что не удастся. Во всяком уж случае, как ты заметил, поисков я до сих пор не прекращаю. И не прекращу, пока буду держать перо в руках. Но только в известных направлениях, свойственных мне. Вот так-то, дорогой друг. Однотомник Исаковского я тебе высылаю.

Статья Со-ва (А.В. Софронова, секретаря Союза писателей СССР в 1948–1953 годы. — Э.Л.) мне активно не нравится. Она внесла ненужную сумятицу, нервозность. (1958 г.)

10.

<...> О статьях Со-ва (А.В. Софронова. — Э.Л.) я уже писал тебе свое мнение. Мне было стыдно читать в них свое имя. Но полемизировать с ним нет нужды. Незачем лишний раз приковывать к ним внимание. О литературе нужно писать по существу, разбираться в накопленном нами богатстве — честно и объективно. Групповые противопоставления одних поэтов другим не приносят пользы никому. Ты стоишь в стороне от литературной среды и можешь писать обо всех процессах совершенно спокойно (9).

Я прочел книгу Б. Слуцкого с большим интересом. Кое-что в ней мне понравилось, кое-что не понравилось. Поэт он, безусловно, талантливый <...> Но в центре внимания он оказался не по своим поэтическим достоинствам. Друзья оказали ему медвежью услугу, выдвинув его на передний край. Так, как он пишет о войне теперь, мы писали во время войны. Пере-

листай сборники тех лет, и ты увидишь это. Я когда-нибудь покажу тебе свои военные книжки, такие, как «Синее вино», «Прощание с юностью», «Отчий дом». В них без кокетничания солдатской грубостью было сказано об очень многих горьких вещах. И так у всех, кто писал о войне серьезно. Стало быть, Слуцкий нас удивить не может. Но говорить о нем нужно не так, как Со-в (А.В. Софронова. — Э.Л.), и не так, как С.О. (С.Г. Островой. — Э.Л.). Вот тебе мое мнение обо всем этом споре (18.III.1958 г.).

11.

<...> Ты напечатал в «Рабочем пути» такую статью обо мне (10), что я в эти дни совсем перестал писать стихи. Все кажется не то и не так. Одним словом, теперь, после твоей статьи, мне просто невозможно выступить со средними стихами. А стихи, конечно, будут всякие, хотя мне, как говорится, очень хотелось бы оправдать твои пожелания.

Статью о Заболоцком посылай в «Литературу и жизнь» (11). А как статья о Исаковском? Очень нужна! (12).

<...> Статья об Овечкине меня не удивила. Я ожидал такой статьи. Активно не понравилась мне статья Ф. Власова в нашей газете. Я ее до опубликования не читал. Написана она дурным языком и в дурном тоне, хотя говорить тут есть о чем <...>. (26.V.1958 г.)

12.

<...> Со всем, что ты написал о моих повестях и рассказах, я совершенно согласен. К «Волшебной книге» я, по всей вероятности, еще вернусь, когда придет время. Полностью меня удовлетворяет только «Саврасый конь» <...> (4.X.1958 г.)

13.

<...> Стихи Лиснянской в «Новом мире» мне очень понравились <...> Смерть Заболоцкого — очень большая утрата для советской поэзии. (31.X.1958 г.)

14.

<...> О съезде нашем (Первом учредительном съезде писателей России 1958 года. — Э.К.) мне трудно сказать что-либо новое. Все его содержание в газетах передано довольно полно. Проходил он очень тихо, мирно. Когда я спросил у Овечкина, собирается ли он выступить, тот ответил: «Не хочу портить обедню». И так настроен был не один Овечкин. (9.I.1959 г.) (13).

15.

<...> Н.Г. работает добросовестно, вдумчиво, но ему мешает дурная газетчина.

Деревню, конечно, он знает хуже Овечкина, но идет в том же направлении. Словом, я в основном согласен с твоими оценками. Я бы только

больше сказал об иллюстративности, известной заданности, которые чувствуются даже в лучших вещах Н.Г. И язык у него оставляет желать много лучшего. Я ему все время говорю об этом, но меня он в глубине души считает чуть ли не снобом, а вот если ты скажешь, он прислушается. Новый его роман, который я сейчас дочитываю, меня очень огорчает. Все правильно, и все мало достоверно. Предстоит очень тяжелый разговор с ним. А тема — опять деревня, молодежь, которая пошла после школы на фермы. Словом — сегодняшний день.

Я совершенно согласен с твоей оценкой перепалки между Сельвинским и Друзиным. Только мне кажется, что в замечании Сельвинского о душевности и духовности все же есть зерно истины. Одной душевной теплоты для поэзии мало, нужен богатый духовный мир. Сельвинский сказал об этом явно невразумительно, но подумать тут следует <...> (5.II.1959 г.)

16.

Юбилей мой, который прошел в Смоленске очень тепло, сердечно, навел меня на серьезные размышления. Сейчас я еще слишком взволнован, чтобы вразумительно написать обо всем. Скажу только одно: наш читатель нам очень многое прощает, если чувствует правду сердца. Злоупотреблять доверием такого читателя — кощунство. А мы иногда забываем об этом. Я сам написал и напечатал немало чепухи, за которую сейчас мне просто стыдно, стыдно до слез.

Но зато — как радостно, что простые читатели понимают так называемую пейзажную лирику гораздо лучше многих критиков. Я никогда не считал себя только пейзажистом, но я глубоко убежден в том, что человек, будь он хоть семи пядей во лбу, никогда не узнает душу народа, если он не любит родную природу. Сейчас я утвердился в этом еще больше.

А вообще настроение у меня минорное, может быть, потому, что сердечность читателей обострила чувство недовольства собой, неудовлетворенности сделанным... Пятьдесят лет — это все-таки пятьдесят лет, возраст такой, когда мы уже не имеем права делать глупости и заниматься пустяками. <...> (18.II.1959 г.)

17.

<...> Самым интересным, самым писательским выступлением на съезде (Третьем съезде писателей СССР. — Э.Л.) было, конечно, выступление Ал.[ександра] Трифоновича. Не будь этого выступления, съезд был бы как-то не завершен. Не все у Твардовского было бесспорно, но все интересно, все своеобразно, и, главное, все очень важно. Он говорил о самом главном, что сейчас волнует и мучит писателей.

Что касается возвеличения, возведения в сан великого писателя Л., то что уж тут можно сказать? Не можем мы жить без идолопоклонства. И говорить о больших художниках с достоинством не умеем. Не хватает нам чувства меры.

Л., бесспорно, очень талантлив, но и очень нарочит. Даже его хваленный язык какой-то вымученный. Ему недостает естественности. Я как-то сказал ему об этом, он очень обиделся. (20.VI.1959 г.)

18.

<...> Стихи Вознесенского, о котором ты пишешь, мне очень понравились. Вообще, этот поэт мне по душе. Евтушенко меньше, но тоже нравится <...> (15.X.1959 г.)

19.

<...> Письмо твое очень обрадовало меня. О многом из того, что ты пишешь, я уже думал. Трудность писания меня, конечно, не пугает. Для меня это уже не первый снег на голову. Были времена и потруднее, такие, когда казалось: все, больше никогда не получится. Теперь-то я уже знаю, что к чему, и, насколько это возможно, отношусь к таким периодам сознательно. Правда, хочется поскорее выбраться, ухватиться за то новое, что бродит где-то впотьмах, и вывести на свет. Но одновременно приходится писать и какие-то обязательные вещи, от которых нельзя никуда уйти. Я стараюсь это делать как можно благопристойнее.

Как ты заметил, в двухтомник я многого не включил. Кое-что в него не попало и без моей вины.

В стихотворении «Волос каштановые пряди» исправления, действительно, мне не удалось. Придется вернуться к прежней редакции. Она лучше, свежее.

В «Литературе и жизни» я ругаюсь по поводу чуть ли не каждой статьи. Не помогает. Во всяком случае, мало помогает. Придется делать выводы, чтобы не срамиться перед добрыми людьми. Вообще, о душе время подумать. Ох, время. За всяческой суетой мы мало о ней думаем.

С огромным удовольствием читал «Триумфальную арку». На очереди двухтомник Хемингуэя. Многое там уже читано, надо освежить. Очень я люблю этого писателя <...> (3.XI.1959 г.)

20.

<...> С огромным удовольствием я прочел в «Новом мире» твою статью об Исаковском (14). Очень умно, тонко, правильно ты пишешь о нем. Вообще о нем только сейчас заговорили в полный голос, по-настоящему, без ханжества.

Видел ли ты книжку Н. Астафьевой? Я писал о ней в «ЛиЖи» («Литература и жизнь». — Э.К.). Очень талантливая поэтесса <...>

<...> Я недавно был в Орле, побывал у Тургенева, навестил лесковские места. Видел очень интересные материалы об Андрееве, Бунине. Надо бы поехать туда еще раз летом. А я еще не бывал в Ясной Поляне. Видимо, к старости дело идет. Начинает тянуть к паломничеству по святым местам <...> (2.II.1960 г.)

21.

<...> Стихи Аллы Зиминой я прочитал с огромным удовольствием. Кто она такая? <...> (16.III.1960 г.)

22.

<...> Статью К. я не читал <...>, но слышал о ней много. Его критическая деятельность у меня симпатий не вызывает. Он, на мой взгляд, типичный вульгаризатор и групповщик. Статья Архипова на меня произвела тоже тягостное впечатление. Конечно же, такие выступления не на пользу консолидации. Но хорошо уже то, что на них теперь уже мало кто обращает внимание. Сейчас писателей, я говорю о серьезных писателях, уже не так легко сбить с толку, дезориентировать. Пройдена хорошая школа, которая многому научила <...> (4.X.1960 г.)

23.

<...> Тревога за состояние советской поэзии была в самом воздухе ленинградской дискуссии. Она чувствовалась, если не в тексте, то в подтексте многих и многих выступлений — у Берггольц, у Антокольского, у С. Орлова, А. Решетова и т.д. И это уже хорошо. Выступление Е. Евтушенко, очень задиристое, мне не понравилось. Уж очень много самолюбования, мало раздумий <...> Ты прав. Он все еще резвится, прыгает, как молодой козлик. И это обидно. Парень-то талантливый. Большие надежды я возлагаю на Римму Казакову. Ее новые стихи все больше и больше берут за живое. У нее есть и талант, и острое чувство времени, и характер. Только бы не сбилась с пути. Но, насколько я ее знаю, она сделана из настоящего текста. Других, равных ей, я не вижу пока. Мне симпатичен Андрей Вознесенский, но он еще иногда играет в слова, хотя играет интересно. О Случком я боюсь что-нибудь сказать — мало его знаю. А печатается он редко <...> (3.X.1960 г.)

24.

<...> Стихи Юны Мориц я знаю давно, и они мне нравятся <...> (31.X.1960 г.)

25.

<...> Я рад, что тебе понравился мой первый и пока единственный опыт в свободном стихе «Думы о матери». Я не собираюсь отказываться от классического стиха, но вольный стих мне кажется хорошим

средством против инерции. Он требует предельной наполненности и полной достоверности <...> (11.IV.1961 г.)

26.

<...> Моя статья в «Литературе и жизни» — это сокращенная стенограмма моего выступления на расширенном заседании Секретариата Союза писателей СССР.

Накануне Секретариата должна была появиться моя большая статья о лирике в «Известиях». Но... увы! она не появилась и до сих пор, хотя обещали дать ее со дня на день. Там я обо всем говорю более подробно. Редактор отдела литературы и искусства Ю. Иващенко сказал мне, что их удивили мои оценки, что ждали от меня несколько иного.

Ев. Евтушенко я назвал в ряду наиболее интересных поэтов. Много говорю о праве поэтов на поиски новых изобразительных средств.

В выступлении все это обойдено, т.к. я не хотел повторяться, чтобы не помешать статье. Несмотря на это, выступление мое было принято очень хорошо <...> (16.VI.1961 г.)

27.

<...> Я только что вернулся из Сибири и Забайкалья. Был в Иркутске, в Улан-Удэ. Впечатлений масса, самых разнообразных. Ленинградский «День поэзии» я еще не успел как следует освоить. Стихи А. Гитовича читал бегло. Особого впечатления они на меня не произвели. Попробую почитать еще раз. А его переводы я очень высоко ценю. Стихи Орлова я просто не помню, хотя очень люблю этого поэта.

Относительно лирики раздумья ты прав. Сейчас это знамение времени. Люди хотят обдумать все, что пережито, пережито. Сейчас это просто необходимо, а я бы даже сказал — неизбежно.

Я очень рад, что тебе понравилось мое стихотворение «Земля». А читал ли ты в «Правде» «Краткое слово»?

Стихи Евтушенко последние меня как-то мало трогают. Он, как мне кажется, сейчас находится в том критическом возрасте, когда решается весь дальнейший путь. Не будем делать поспешных выводов, подождем <...> (28.VII.1961 г.)

28.

<...> Большое спасибо за добрые слова о «Байкальской элегии». Она мне очень дорога, как и весь «известный» цикл.

В подборке, которая напечатана в «ЛиЖи» («Литературе и жизни». — Э.К.), конечно, и проходные стихи, я знаю это, но опубликовать их мне было нужно <...>

В журнале «Москва» принято два моих стихотворения — «Что смотришь на меня в молчании строгом» и «Есть пора завершения работы», —

органически примыкающие к «Байкальской элегии». Они должны появиться в ближайших номерах, и я прошу тебя обратить на них внимание.

«Краткое слово» должно быть еще в прошлом году появиться в «Неве». С. Орлову оно очень понравилось, но... не появилось. После этого я дал его в «Правду». Лежало оно там довольно долго и только теперь увидело свет. «Известия» куда оперативнее <...> (11.VIII.1961 г.)
29.

<...> Уехал страшно расстроенный неприличной историей со статьей Д.С. До сих пор я был о нем лучшего мнения <...> (15.X.1961 г.)
30.

<...> Хотелось бы мне также поздравить тебя, как я поздравляю и себя, с выступлением А.Т. Твардовского на съезде партии (XXII съезде КПСС в октябре 1961 года. — Э.Л.). За это выступление ему должны быть благодарны все — и читатели, и писатели. Что перед ним все потуги К. (В.А. Кочетова. — Э.Л.) и присных его! Время все ставит на место. (4.XI.1961 г.).
31.

Побывать в Ленинграде «без всяких целей и программ» мне хочется давно, да вот все не получается. Нынче там будут отмечать 70-летие И.С. Соколова-Микитова, которого я очень люблю. Но вряд ли удастся попасть на это торжество, т.к. оно состоится 30 мая, а я в это время обещал поехать в Грузию на неделю русской поэзии. Может быть, удастся вырваться попозже.

Ты спрашиваешь, как я отношусь к Мандельштаму, что в нем мне нравится, что нет. Я знаю только две книги его — «Камень» и «Три-стия». Поздних стихов его я не знаю. Поэтому я могу судить только о Мандельштаме до 30-х годов. У этого Мандельштама мне много нравится, и даже очень, но не так, как у Бунина или Блока. Лучшие стихи его удивляют, радуют, но не пронзают. Вот все, что я могу сказать об отношении к Мандельштаму. Кто-то мне говорил, кажется, С. Липкин, что его абсолютно не принимал Заболоцкий. Меня это удивило <...> (7.IV.1962)
32.

<...> Я очень рад, что тебе понравилась «Сказка моего детства». Писалась она, как говорится, по велению сердца. Я должен был ее написать, чтобы исполнить свой нравственный долг. А написать еще нужно о многом, что не вмещается в стихи.

Ты правильно определил тон повести, тон углубленного раздумья. Лучшие мои вещи в сборнике «Коренной человек» написаны в том же ключе. По всей вероятности, это наиболее органичный для меня тон.

Да и вообще, обращение к лирической прозе, даже к лирическому очерку — очень характерно для нашего времени. Думается мне, что это не случайно.

Я узнал, что ты пишешь вступительную статью к Мандельштаму и очень обрадовался, обрадовался и за тебя, и за читателей. Когда он выйдет? Я очень боюсь пропустить его <...> (24.VII.1962 г.) (15).

33.

<...> Андрей Вознесенский мне представляется очень обещающим поэтом, но сбитым с панталыку модой. В его «Треугольной груше» много чепухи, но есть и интересные вещи <...> (1.IX.1962 г.)

34.

<...> С твоими замечаниями относительно состава моего сборника я во многом согласен. Нравящиеся тебе стихи нравятся и мне самому. Другие уже и самого меня не во всем удовлетворяют. Но — что сделано, то сделано. Нужно идти дальше.

Книжки А. Гитовича я еще не видел. Она до нас еще не дошла. Не читал я и стихов Передреева. «Молодую гвардию» я смотрю редко. «Гений» Вознесенского мне нравится. «Литературная Россия», по-моему, лучше, чем «Литература и жизнь». Стихи Сельвинского в первом номере мне тоже не нравятся. Напечатаны они для «широты диапазона» <...> (31.I.1963 г.)

35.

<...> Статья Владимира Ф. в «Литературной России» меня глубоко возмутила. Это подлая статья. Вообще, этот человек играет очень скверную роль в редакции.

На недавнем заседании Секретариата правления СП РСФСР я заявил, что никакой ответственности за помещенные в еженедельнике [«Литературная Россия»] материалы, в т.ч. за передовую статью от 12.IV, я нести не могу, т.к. ни одна принципиальная статья со мной не согласовывается.

Если так будет продолжаться, я вынужден буду уйти из редколлегии.

На этом Секретариате было решено в ближайшее время обсудить работу редакции. Вот этого-то обсуждения я и жду, чтобы сделать для себя все необходимые выводы.

Давая согласие войти в состав новой редколлегии, я надеялся, что смогу определенным образом влиять на ее работу, на ее линию. Но в последнее время получается так, что мне не показывают даже стихов. Мне стыдно не только за статьи, а и за многие «художественные» материалы. А то, что я рекомендую, — не появляется.

Словом, и моему долготерпению есть конец. Я не могу и не хочу отвечать за глубоко противную мне демагогию Владимира Ф. и ему подобных <...> (1.V.1963).

36.

<...> Я очень рад, что мое выступление на Совещании молодых писателей тебе понравилось. К этому выступлению я готовился серьезно. Я считал своим гражданским долгом высказаться по некоторым наболевшим вопросам. Я знал заранее, что кое-кому мое понимание этих вопросов не понравится и был готов к этому. Мне приятно, что меня одобрили люди — самые разные — от Исаковского и Твардовского до Ушакова <...>

<...> Из двух названных смоленских поэтов, по-моему, более перво-степенный Ю. Пашков, хотя пишет еще очень неровно. Я постараюсь достать и прислать тебе его книжку <...>

Как поживает твой Мандельштам? Когда он должен увидеть свет? (18.V.1963 г.)

37.

<...> На днях купил сборничек А. Гитовича и залпом прочитал его. Стихи последних лет мне очень понравились. Хороши «Пир в Армении». Довоенные стихи и поэмы я знал все, и теперь они для меня не прозвучали как-то. Да и отобрал он, как мне кажется, не самое лучшее. А вообще — книжка получилась интересная, и ты правильно подержал ее <...> (5.VII.1963 г.)

38.

Твардовский на минутку заходил ко мне домой, уже после праздников (празднования 20-летия со дня освобождения г. Смоленска и области от фашистских захватчиков. — Э.Л.). Насколько я понял, он весьма огорчен прохладным отношением печати к «Загробному Теркину».

Вчера я прочитал статью Д.С. в «Октябре» и весь вечер плевался. Это худший вид догматической критики. Хорошо, что «Известия» одернули его <...>

Я встретил новый вариант «Загробного Теркина» без особого энтузиазма, но после статьи С. я готов простить ему все — и длинноты, и вяловатый стих. Если С. бесится, значит, удар попал в цель <...> (11.X.1963 г.) (16).

39.

<...> Линия «Октября», вернее линия К. (В.А. Кочетова. — Э.Л.), — это воплощение самых дурных пережитков недавнего прошлого. Я имею в виду, прежде всего, критический отдел. В отделе поэзии там иногда появляются интересные вещи, особенно молодых авторов. А стариков, таких как Кирсанов, Сельвинский, Антокольский, К. поддерживает в пику Твардовскому. Ал. Тр-чу (Твардовскому. — Э.Л.) об этом тоже следовало бы подумать. Он зря отталкивает от себя поэтов (17).

Буду ждать твоей книжки о Заболоцком. Я был очень огорчен тяжкой с изданием Мандельштама. Тут Орлов (В.Н. Орлов — главный редактор «Библиотеки поэта». — Э.Л.) что-то премудрил <...> (4.XI.1963 г.) (18).

40.

<...> С П.С. я не встретился. По всей видимости, И.Г. нашел, что со мной вести разговор бесполезно. Я ведь дал понять ему сразу, что не склонен поддерживать претензии некоторых товарищей на исключительное право говорить от имени русского народа <...>

Стихи Новеллы Матвеевой в «Новом мире» я читал. Они мне понравились, хотя иногда у нее бывают и бумажные кораблики.

Книжку Звездаевой я читал еще в рукописи, но она после этого дорабатывала ее. Мне кажется, что главная героиня у нее удалась, все остальное не очень. В «Рабочем пути» недавно была на нее рецензия, и весьма положительная, Е. Алфимова. Это очень способный молодой прозаик <...> (28.I.1964 г.)

41.

<...> Большое спасибо за сборник «Герой современной литературы» и за «Вопросы философии».

Твои статьи я прочитал с огромным удовольствием, особенно «Заметки о путях новаторства в поэзии». С твоим пониманием новаторства я совершенно согласен. В статье «Реальный идеал и реализм искусства» тоже много интересного, но она для меня слишком теоретична.

Я сейчас занят подготовкой однотомника лирики, который собирается издать в 1965 году «Московский рабочий». Это должно быть наиболее полное собрание моей лирики. Хочется отобрать так, чтобы книгу было не стыдно подарить самым взыскательным друзьям <...> (5.II.1964 г.)

42.

<...> Читал ли ты повесть С. Залыгина в «Новом мире»? По-моему, здорово! Я тоже собираюсь написать об этом времени, да все не доходят руки <...> (14.IV.1964 г.)

43.

<...> С твоей оценкой нового романа З. я согласен. Почти то же самое я ей говорил на обсуждении. Дело в том, что деревенская тема для нее неорганична. Она не выстрадала ее. Как и многие другие, она взялась за нее только потому, что сейчас это в центре внимания.

Чисто литературное (не говорю уже о журналистике) отношение к деревенской теме я лично считаю кощунством. Вот почему для меня совершенно неприемлемы подавляющее большинство деревенских повестей и романов.

На пленуме Правления Союза писателей РСФСР в Краснодаре я познакомился с ленинградскими писателями Ф.А. Абрамовым, и он произвел на меня очень хорошее впечатление. Вот кто болеет деревенской темой.

Стихи А. Загарина мне понравились своей серьезностью, даже комковатостью языка. Я попробую показать еще Поздныеву, если нигде не печатались. (5.VII.1964 г.)

44.

<...> Собираюсь уходить из редколлегии «Лит.[ературной] России». Сейчас все складывается так, что практически на работу редколлегии я не могу оказывать ни малейшего влияния. Это мне лишний раз показала история со стихами Загарина. Я послал их со своей рекомендацией, и зав. отделом поэзии Поделков их забраковал. К сожалению, это не первый случай (19).

Читал ли ты в № 8 «Нашего современника» стихи В. Дедова? Если не читал — прочти. По-моему, парень очень талантливый. Я его подхватил в Краснодаре <...>. (17.XI.1964 г.)

45.

<...> Книжку Глеба Горбовского мне прислал А. Рубашкин, и я ее прочитал с большим интересом. Стихи его мне очень симпатичны, хотя в них еще много [неразборчиво]. Относительно «Озы» Вознесенского я в основном согласен со статьей Скорино в «Лит.[ературной] России».

<...> Недавно я закончил большой лирический очерк «На озере Сапшо». В последнее время работа над прозой занимает у меня все больше и больше времени <...> (12.II.1965 г.)

46.

<...> Книжечку Рильке я достал и прочитал с огромным удовольствием. Его стихи я до сих пор знал по переводам Владимира Эльстера. В 1913 году у него вышла книжка «Современные немецкие поэты», почти треть которой была отведена стихам Рильке.

Конечно, Эльстер поэт слабый, но и в его переводах Рильке не мог не тронуть русских читателей. Кое-что мне было известно и в других переводах <...>

Но по-настоящему вчувствоваться в Рильке я мог только теперь, когда появились переводы Сильман. Это, действительно, большое событие для нашей поэзии.

Судя по всему, Рильке был одним из учителей Пастернака. Пастернак, пожалуй, поуже его, но зато куда глубже. Так, во всяком случае, кажется по переводам.

Большое спасение за доброе слово о моем весеннем этюде. Сейчас я готовлю летний. Все это поиски и дороги к свободной, раскованной прозе. В седьмой книге «Знамени» обещают напечатать мой очерк «На озере Сапшо». Он тоже в том же духе <...> (14.V.1965 г.)

47.

<...> С твоими замечаниями по языку моей прозы я совершенно согласен, особенно относительно возможности большей индивидуализации речи героев. Как говорится, в дальнейшей работе я учту. Конечно, насколько это возможно при моей манере.

«Лесную сторожку» и «Скоморохи» я включил в детгизовский однотомник, учитывая особенности издания для старших школьников. Я не считаю эти вещи лучшими у себя, но и отказываться от них у меня нет причин.

Что касается стихов о Коненкове, то сейчас я написал бы их, конечно, по-другому. Все недосказанное в них я стараюсь досказать в статьях. Самому Коненкову стихи очень нравятся, и он обиделся бы, если бы я не включил их в «Избранное».

Вся осень нынче у меня прошла под знаком Есенина. Я писал статьи, готовился к докладу, поэтому журналов почти не читал. В «Новом мире» прочел только статью Твардовского о Бунине. Статья очень хорошая, хотя у меня несколько иное отношение к Бунину. Для меня «Листопад» не просто яркая живопись, а глубокое проникновение в душу русской природы <...> Не могло не «царапнуть» меня и то, что Твардовский приписал Бунину стихи Ходасевича («Минуло с той поры только шестнадцать лет» — «Путем зерна», стр. 12). Это, конечно, мелочь, но лучше бы не было такой досадной описки. При случае скажи ему, пусть вычеркнет из статьи строчку Ходасевича, приписанную Бунину.

<...> Стихи Глеба Горбовского мне нравятся, и мы собираемся давать его подборку в «Литературной России».

В Ленинград я пока не собираюсь. Нет повода. Да и нужно садиться за работу. Я в последнее время слишком много езжу, а меня даже кратковременные поездки выбивают из колеи. И здоровье начинает сдавать. Нынче в Коктебеле я схватил воспаление легких и до сих пор еще не совсем пришел в норму <...> (11.X.1965 г.)

48.

<...> Стихи Прасолова мне очень по душе, а вот Матвеева как-то мало трогает. Умно, интересно, но не забудешь, что хочется курить, как говорил Чехов <...> (25.V.1966 г.)

49.

<...> Книгу «Избранная лирика» я составил сам. Мне хотелось представить в ней самого дорогое, отсеять все случайное. Теперь я вижу,

что удалось мне это не до конца. Кое-что очень важное из книги выпало, а кое-что проходящее попало в нее. Дело в том, что в последний момент книгу решили, в целях экономии бумаги, печатать в подборку, и редактор сам затыкал образовавшиеся при верстке дырки. Затыкал так, что некоторые стихи попали не на свои места. Вот почему я и сам жалею, что снял даты. И это тем более досадно, что издавна книга хорошо, оформлена с большой любовью.

Недавно я с огромным удовольствием прочитал новую книгу Гитовича — «Зимние послания друзьям». Если увидишь его — передай ему это.

Стихи Твардовского в «Новом мире» мне понравились очень <...> (2.III.1966 г.)

50.

<...> Меня, как и тебя, глубоко возмущает та несправедливость, которая продолжается по отношению к М. Я не могу понять, почему его не принимают в Союз писателей.

Прямо в это дело вмешаться я не могу, так как он проходит по Московской организации, которая имеет право самостоятельного приема. Ему нужно написать письмо в Секретариат СП РСФСР, вот там [я] его, безусловно, поддержу.

Что касается моих стихов в «Дне поэзии», то первое из них мне самому нравится гораздо меньше других. Правда, я вкладывал в него не тот смысл, который видишь в нем ты. Но если оно дает повод для такого толкования, значит, плохо. Одним словом — «В чем виноват — винюся» <...> (8.II.1967 г.)

51.

<...> Стихи Исаковского меня тоже порадовали, особенно первое. От них пахло прежним Исаковским. Последних же статей его я не принимаю. Это стариновское брюзжание, от которого избавь нас боже. Колычев, конечно, поэт плохой, но синюю зарю выдумал не он <...> (11.IV.1968 г.) (20).

52.

<...> Спасибо тебе за твое умное и сердечное письмо к моему шестидесятилетию.

Я еще только-только прихожу в себя от юбилейной суеты. Много для меня было совершенно неожиданно. Ко всему прочему, я был не совсем здоров, а жена как раз в эти дни попала в больницу с воспалением легких. Ее и до сих пор не выписали. А я понемножку вхожу в норму и начинаю отвечать на письма друзей <...> (25.II.1969 г.)

53.

Твое письмо, вместе с письмом С.С. Гитович и подборкой стихов Александра Гитовича, я получил вчера. Сегодня написал сам неболь-

шую записочку об Александре Ильиче и все материалы передал в «Рабочий путь». Зав. отделом — Юрий Васильевич Пашков — обещает напечатать. Сообщи об этом, пожалуйста, С.С. Гитович. Мне неудобно писать ей, так как я не знаю отчества. Знаю, что зовут Сильвою, а как по отчеству — не знаю — и ты не догадался сообщить (21).

А на меня после юбилея навалились всяческие хвори. И самая противная — межреберная невралгия. И впрямь — ни охнуть, ни вздохнуть. За окнами уже чувствуется весна, а мне нельзя выходить.

Я искренне рад, что тебе приглянулась моя «Снежница». Буду ждать твоего более подробного отклика. (11.III.1969 г.)

54.

Большое спасибо за твое проникновенное письмо о моей «Снежнице». Я хотел бы написать тебе более подробно, но — увы. Лежу в постели с жесточайшими радикулитными болями. После юбилея я почти не выходил из дому. Вот что значит — наступает старость. Еще раз спасибо. (3.V.1969 г.)

Примечания

1. Письмо, из которого взят данный отрывок, полностью опубликовано в книге: Рыленков Н.И. Насущный хлеб поэзии: размышления, заметки, письма. М.: Советский писатель, 1989. С. 361.

2. Как генеральный секретарь СП СССР А. Фадеев принимал участие в ряде «проработочных» кампаний, в том числе и по поводу романа В. Гроссмана.

3. Речь идет о цикле О. Берггольц «Стихи из дневников (1938–1956)», опубликованном в 1956 году в «Новом мире» (№ 8).

4. Имеется в виду поэма П. Васильева «Христорожбовские ситцы» (1936).

5. Данное письмо полностью опубликовано в книге: Рыленков Н.И. Насущный хлеб поэзии: размышления, заметки, письма. М.: Советский писатель, 1989. С. 362–363.

6. Вероятно, речь идет о книге фельетонов И.А. Рябова «Меценаты и поросята», изданной в московском издательстве «Правда» в 1957 году. Рецензию «Про Рябовых» Македонов мог направить Рыленкову для публикации в Смоленске, либо для создания общественного мнения относительно данной книги. Критик имел обычай свои работы, не пропущенные в печать, рассылать друзьям «для очистки совести».

7. Рыленков имеет в виду статью Македонова о нем «Черты новаторства» («Литературная газета», 1957).

8. Дерман А. Стихи Исаковского // Литература и искусство. 1943. № 1.

9. Отстаивая предлагаемый к сокращению фрагмент этого письма, Македонов, писал: «Речь идет об очень плохой статье Софронова, где он поно-

сил таких поэтов как Б. Слуцкий, Л. Мартынов и др., которые сейчас, как известно, достаточно общепризнаны. Чтобы не заострять внимание на персоне Софронова, имеющего и сейчас покровителей, я заменил его фамилию первой буквой. Но с этой поправкой отрицательное высказывание Рыленкова об его статье сейчас никакие высшие инстанции испугать или раздражить не может, а по существу оценка Рыленковым важна для понимания общей характеристики его общественно-литературной позиции <...> Не все сейчас обязательно нужно расшифровывать. Важно показать, что были явления в литературе, от которых Н.И., несмотря на свою мягкость, терпимость и нелюбовь к конфликтам, ясно отмежевывался — хотя бы в письмах товарищам. <...> самый факт отмежевания Рыленкова от “групповых противопоставлений” и связанных с ними лиц мы не можем и не должны скрывать от читателя» (Македонов А.В. Письмо к А.А. Палшкову от 19 ноября 1975 года // Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Ед.хр. 4. П. 1. Л. 13). На намерение Палшкова разыскать для примечаний статью Софронова, о которой идет речь в письме, Македонов ответил: «<...> думаю, что необязательно ее разыскивать, т.к. из текста письма Н.И. видно, что ему в ней не понравилось — и этого достаточно. Об остальном пусть позаботятся биографы Софронова, если они таковые когда-либо появятся (в чем я сомневаюсь). Не знаю — нужно ли здесь даже в примечаниях привлекать внимание к этой старой, пакостной статейке, о которой и сам Софронов, быть может, хотел бы теперь забыть» (Македонов А.В. Письмо к А.А. Палшкову от 2 декабря 1975 года // Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Ед. хр. 4. П. 1. Л. 29).

10. Македонов А. Зрелое мастерство // Рабочий путь. 1958. 21 мая.

11. Македонов воспользовался советом Рыленкова, и в начале сентября этого года в газете «Литература и жизнь», печатном органе Союза писателей РСФСР (1958–1962), появилась его статья «О старом и новом в поэзии Николая Заболоцкого».

12. Статья «Красота простоты: О стихах Исаковского», о которой пишет Рыленков, была опубликована в «Литературе и жизни» в конце сентября 1958 года.

13. Редакторов «Ученых записок» настораживала публикация данного фрагмента. Македонов постарался убедить их в необходимости его сохранить. Из письма Палшкову: «Рад <...>, что Вы согласны “испытать судьбу” в отношении того места из отрывка 14, которое Вас почему-то так испугало. Поверьте, А.А., что я ведь тоже думал о том, что можно и что нельзя публиковать, и отнюдь не хочу, чтобы кто-то из-за этой фразы покойного Н.И. имел неприятности. Думаю, что если она “пройдет”, то никаких неприятностей не будет, так как старый писательский съезд — это не съезд партии или даже профсоюзов. Ну, а ежели не пройдет, то хоть наша с Вами совесть будет чиста» (Македонов А.В. Письмо к А.А. Палшкову от 2 декабря 1975 года // Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Ед. хр. 4. П. 1. Л. 29).

14. Македонов А. Красота простоты: Ещё об Исаковском // Новый мир. 1960. № 1. То же: Очерки советской поэзии. Смоленск, 1960.

15. Зимой 1962 года редколлегия «Библиотеки поэта» во главе с В.Н. Орловым поручила Македонову работу над вступительной статьей для сборника Осипа Мандельштама.

16. Рыленков имеет в виду статью Д. Старикова «Теркин против Теркина» (Октябрь. 1963. № 10). На предложение редколлегии «Ученых записок» полностью восстановить фамилию критика Македонов ответил отказом, аргументируя его так: «Д. Стариков с тех пор существенно эволюционировал, а в его статье о “Загробном Теркине” не он один был повинен» (Македонов А.В. Письмо к А.А. Палшкову от 28 ноября 1975 года // Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Ед. хр. 4. П. 1. Л. 21).

17. В ответ на предложение Палшкова изъять из публикации этот фрагмент письма Македонов ответил: «“Критический отдел” “Октября” и “линия Кочетова” неоднократно подвергались критике в партийной печати (в частности, и в “Литературной газете” и в “Правде”). Сейчас, думаю, никто эту линию защищать не возьмется. Обратите внимание и на полное обновление редакции этого журнала. И уж тем более никто не станет возражать против публикации отрицательного отзыва о ней Н.И. Рыленкова в 1963 году» (Македонов А.В. Письмо к А.А. Палшкову от 19 ноября 1975 года // Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Ед. хр. 4. П. 1. Л. 14).

18. Осенью редколлегия «Библиотеки поэта» вернула Македонову его вступительную статью о Мандельштаме на доработку, в связи с чем издание книги было исключено из плана выпуска в 1963 году.

19. Отстаивая публикацию этого отрывка, Македонов привел следующие доводы: член редколлегии газеты С.А. Поделков «испортил немало крови Николаю Ивановичу, а с другой стороны, эти фразы показывают, как принимал к сердцу Н.И. судьбу стихов даже никому не известного начинающего поэта» (Македонов А.В. Письмо к А.А. Палшкову от 19 ноября 1975 года // Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Ед. хр. 4. П. 1. Л. 14).

20. Последнее предложение отрывка редактор предлагал снять, на что Македонов парировал: «За оценку Колычева пусть отвечает сам Н.И. Мы не имеем права его в этом отношении ограничивать. Тем более, что, слава богу, в отношении критики Колычева никаких табу, сколько мне известно, не имеется, тем более в отношении посмертных публикаций мнений о нем такого поэта, как Рыленков. Вообще в принципе изъятие мнений писателей друг о друге в посмертных публикациях и переписке — недопустимо в научном сборнике. Вспомните, например, что писал Щедрин в своих письмах даже об “Анне Карениной” Л. Толстого. Или что писал Тургенев о Некрасове и т.д. Не говоря уже о колычевых того времени. Единственное, что допустимо сделать, жалея

Колычева, это заменить его фамилию криптонимом. А с точки зрения задачи публикации важно, что Н.И. защищал право на существование таких образов как “синяя заря”, даже если они повторяются плохими поэтами и даже вопреки мнению любимого и уважаемого им Исаковского» (Македонов А.В. Письмо к А.А. Палшкову от 19 ноября 1975 года // Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Ед. хр. 4. П. 1. Л. 14).

21. Македонов настаивал на публикации двух последних предложений, которые редакторы хотели изъять. «Фраза о Сильве Гитович не является лишней деталью. Она показывает исключительную деликатность Николая Ивановича, его стремление избежать даже всякой мелочи в переписке, которая могла бы чем-то задеть достоинство адресата. И он заботился об этом, несмотря на то, что изнемогал в это время от мучительных болей» (Македонов А.В. Письмо к А.А. Палшкову от 19 ноября 1975 года // Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 10. Ед. хр. 4. П. 1. Л. 14).

Публикация и примечания Э.Л. Котовой

И.Н. Рыленкова

УДК 82-94

Почти хроника одного года

В этом году очередная (шестая по счету) премия имени Н.И. Рыленкова была вручена нижегородскому писателю — прозаику Валерию Викторовичу Сдобнякову. Совершенно неожиданно оказалось, что это событие совпало с юбилеем А.М. Горького — 150-летьем со дня рождения, а, как всем известно, он уроженец Нижнего Новгорода.

Пятьдесят лет назад папа побывал на другом юбилее Алексея Максимовича — 100-летнем в его родном городе, носившем тогда имя этого великого писателя XX века. И не только побывал, но и выступил со своим словом о нем — почему считает Максима Горького не просто великим писателем, но и великим человеком, воплотившем свою жизнь эпоху.

Итак, 1968 год. Последний год папиной интенсивной общественной и творческой деятельности и быстрого прогрессирования заболевания легких. Год с одной стороны очень тяжелый, а с другой весьма плодотворный, показавший огромный творческий потенциал, заложенный в нем, и сколько мог он еще сделать.

На этот год выпало две крупные юбилейные даты — 150 лет со дня рождения И.С. Тургенева и 100 лет — М. Горького. И один и другой были близки и дороги сердцу папы и каждый, несомненно, внес свою лепту в формирование его духовного мира.